

На рынке большинство продуктов подстраивают под «вкус большинства», и потому в процессе выращивания зачастую проводят селекционные мероприятия. Так, рис должен быть более полным и аппетитным, а фрукты — обладать определенной сладостью. К тому же в процессе транспортировки многие продукты, чтобы сохранить стабильное состояние, вынужденно подвергаются консервации, что, в свою очередь, меняет вкус.

То же самое касается грибов. Например, сушеные шиитаке, которые, замоченные в воде и затем приготовленные, имеют совершенно иной вкус по сравнению с теми, что были свежими изначально. И уж тем более не стоит говорить о свежесобранных диких грибах.

Только попробуешь кусочек — на губах и во рту разливается богатый аромат, а если добавить немного перца для остроты, то наслаждение на языке соединяется с желанием заглянуть в кастрюлю, в то время как взгляд уже тянется к металлической сетке рядом. И невольно хочется, как Нежа, иметь три головы и шесть рук, чтобы мгновенно схватить палочками все сразу и наложить на язык множество вкусов одновременно.

Мэн Сяони и Гуйфэн спустя совсем немного времени съели все грибы, которые недавно собрали.

К тому же суп в кастрюле, в который эти грибы варились так долго, тоже пропитался вкусом и, будучи остро-горячим, согревал желудок, даря невероятное ощущение комфорта.

После быстрой трапезы Мэн Сяони любезно спросила у Гуйфэна:

- Хочешь немного мяса?

Гуйфэн отказался:

- Не нужно.

Чтобы готовить мясо в их случае, пришлось бы забивать его на месте, чистить, а затем варить в большой кастрюле, чтобы обеззаразить — слишком уж хлопотно.

Мэн Сяони, услышав, что мясо не нужно, слегка прибралась после еды. То, что нужно было зарыть в землю, было зарыто, огонь потушен основательно, а посуду и все остальные вещи либо привели в исходное состояние, либо сжали до беспорядочных форм и бросили под дерево, как камни.

Когда все было убрано, ночь полностью окутала землю. Зимой темнеет рано, и они не стали бродить по округе, а сразу направились в маленький домик на дереве.

Когда в домике никого не было, он казался вполне просторным, но как только там появлялись люди, пространство сразу становилось гораздо теснее.

Мэн Сяони наложила на домик немного магии расширения, но не слишком сильно.

Деревянная кровать оказалась жестковатой для сидения, и она совсем не была такой мягкой и уютной, как дупло Вутонга. Гуйфэн, недолго думая, достал откуда-то матрас и одеяло, а еще зажег лампу прямо над домиком на дереве.

Эта лампа не имела ни свечи, ни масла — ее освещала маленькая искорка, которую Гуйфэн бросил внутрь, чтобы она сама собой горела и освещала небольшое пространство.

Огонек, заключенный под абажур, не только освещал весь домик, но и согревал его, как маленькая печка в зимнюю стужу.

В этом крохотном пространстве, еще более тесном, чем комната Мэн Сяони, они вдвоем лежали на кровати, обнявшись, и говорили обо всем на свете.

Они рассказывали о том, как провели время в разлуке, делились сплетнями, о которых слышали когда-то, и даже обсуждали те моменты, которые они оба пережили вместе, но которые теперь вдруг всплывали из глубин их памяти.

Казалось, что им просто не хватит времени на все.

Хотя они почти целыми днями были вместе, совершенно непонятно, откуда бралось столько тем для разговоров. Это было одновременно странно и удивительно.

А потом... никто из них не вспомнил, кто первым поцеловал другого.

Как и прежде, домик был окутан таинственными вьющимися лозами, как будто они сами собой обвилились вокруг деревянных досок.□□

Мэн Сяони не могла сдержать слезы, в глазах стоял туман, и даже свет ламп казался ей размытыми красными пятнами — она ничего не видела ясно.

«Наесться, выспаться — вот и счастливая жизнь», — подумала она.

Одна ночь...

Можно сказать, что она более-менее выпалась.

На следующее утро Мэн Сяони с трудом выбралась из деревянного домика, поддерживая поясницу. Было радостно и приятно, но расплата пришла в виде легкой ломоты в пояснице и ногах.

Она легла рано, и потому встала рано. Свет едва начинал пробиваться сквозь туманное утро, а круглый зимний солнечный диск все еще не успел полностью выползти из-за гор. Лениво скользя по небу, он двигался медленно, словно вовсе не ощущал чьей-то спешки, словно день был самым обычным.

Мэн Сяони и Гуйфэн собирались наблюдать восход. Они хотели увидеть, как солнце поднимется, и утренний свет зальет девять озер, оставив на поверхности сияние, похожее на ночные звезды, которые манят ранних рыб на поиски пищи.

Хотели увидеть, как птица, стремительно вылетевшая из гнезда на вершине горы, рано утром устремляется вниз, чтобы схватить рыбу из озера своими острыми когтями и унести прочь крупную, упитанную добычу.

Хотели наблюдать, как весь Шэньнунцзя будто бы просыпается, встряхивается ото сна, и по его телу начинают суетливо двигаться обитатели, нарушая спокойствие.

Зима в горах в этом году будто запоздала, снежные пейзажи северных краев еще не проявились, и лед на озерах не образовался.

Если бы стало холоднее, снег пригнул бы ветви деревьев, и перед ними открылась бы совсем иная картина.

Гуйфэн обнял Мэн Сяони, поднимаясь с ней в небо, как с маленьким белым драконом, наблюдая за землей с высоты. Все внизу казалось игрушечным, как модели из магазинных наборов, и совершенно нереальным.

Мэн Сяони почувствовала холод утреннего воздуха и прижала свои ледяные руки к лицу Гуйфэна:

- У меня руки совсем замерзли.

Гуйфэн, чей красивый и тщательно ухоженный образ был так важен для него, невольно сморщился от ее прикосновения. Мэн Сяони смотрела на его слегка сморщенные от ее рук губы и вдруг разразилась смехом, не в силах остановиться.

Гуйфэн: «...»

К счастью, солнце наконец выбралось из-за горизонта, и мысли Мэн Сяони переключились на этот момент. Она широко раскрыла глаза, не в силах удержаться от восторга перед красотой мира.

Гуйфэн смотрел на солнце. Солнце напомнило ему о Цзинью, а от Цзинью его мысли перенеслись к Хоу И, а от Хоу И к мифам, которые редко имели счастливые концовки.

Ведь хотя мифы могут казаться радостными, стоит присмотреться — почти все они заканчиваются трагически.

Мэн Сяони, глядя на солнце, сказала:

- В подземном мире нет солнца.

Гуйфэн молча согласился.

Мэн Сяони задумалась и добавила:

- Когда-то Хоуту размышляла, не сделать ли подземный мир похожим на мир живых — с восходами и закатами, с временами года, с весной, летом, осенью и зимой. Но потом она передумала.

Гуйфэн удивился:

- М?

Мэн Сяони продолжала смотреть прямо на солнце, будто оно вовсе не слепило ее:

- Скопированное всегда останется ложным. Подземный мир — это просто подземный мир, место для перерождений.

И ему не нужно ничего добавлять.

Призракам досталась привязанность, другим расам — жажда разрушения, что на самом деле было нарушением естественного порядка.

Так что в итоге все заглохло. Пять императоров под началом Хоуту больше не поднимали этот вопрос.

Гуйфэн лишь коротко отозвался. Хотя сейчас в Подземном царстве многое изменилось, все это было сделано ради удобства. Ресторан горячих горшков Мэн Сяони был, пожалуй, единственным заметным материальным достижением.

Человек и птица наслаждались восходом, обменялись парой фраз о Подземном царстве, а затем направились к следующей достопримечательности — вершине Шэньнун.

Деревянный домик, который они оставили, утратил свою прежнюю устрашающую ауру и защиту, и вскоре привлек местных обитателей леса — золотистых обезьян. Небольшая группа

обезьян с любопытством изучала новый объект, и, не раздумывая, захватила его.

Кто нашел — тот и хозяин. Таков закон мира.

Мэн Сяони и Гуйфэн, направляясь к вершине Шэньнун, не переживали, кому достанется домик. Место, где они остановились на одну ночь, останется просто местом для одной ночи.

Вершина Шэньнун — лучшее место для наблюдения за экосистемой этого региона Шэньнунцзя, по крайней мере, с точки зрения людей. Вблизи вершины было много живности, как и в лесах вокруг озера, где тоже резвились небольшие стаи обезьян.

Мэн Сяони и Гуйфэн осмотрели камни на вершине Шэньнун, но вскоре их внимание привлекла колышущаяся зона заповедника.

- Там есть олени.

- Опять обезьяны.

- И даже панды!

Мэн Сяони радостно пообщалась с каждым из этих существ, почувствовав себя на вершине жизни, на вершине пищевой цепочки. Однако ее веселье неожиданно сменилось внезапной болью — что-то тяжелое упало на ее голову.

Резко обернувшись, она увидела, как на ветке дерева, заливаясь смехом, сидела обезьяна. Потрогав голову, Мэн Сяони в шоке спросила Гуйфэна:

- Обезьяна швырнула в меня камнем?

Гуйфэн, который как раз смотрел на своем телефоне, как строить дом, поднял голову с легким недоумением. Увидев на дереве наглую обезьяну с очередным фруктом в лапах, готовую снова прицелиться в Мэн Сяони, он едва заметным движением пальца заставил обезьяну поскользнуться.

Обезьяна, испустив испуганный крик «Зи-и-и!», рухнула в мягкий слой опавших листьев. Благодаря подстилке из листьев и намеренной защите Гуйфэна, она не пострадала, только сильно перепугалась.

Еще не успев прийти в себя, обезьяна, обессиленно растянувшись на земле, еле слышно простонала: «Зи-и-и...»

Мэн Сяони подбежала ближе, чтобы посмотреть на обезьяну.

Та, хоть и осмелилась бросить что-то в Мэн Сяони, не имела мужества столкнуться с ней лицом к лицу. Когда Мэн Сяони приблизилась, обезьяна вскочила и стремительно рванула к другому дереву, за считанные секунды взлетев на три метра вверх и судорожно обхватив ствол. Ее трусливое поведение было настолько комичным, что невозможно было сдержать улыбку.

Мэн Сяони засмеялась, и, махнув рукой, оставила обезьяну в покое. Обе стороны разошлись, не создавая друг другу лишних проблем.

Мэн Сяони бегала туда-сюда, ее возбуждение нисколько не уменьшалось, как будто она выпила пять банок «Ред Булла». Лишь к вечеру ее энергия наконец-то иссякла. Она встала рано утром, и теперь усталость начала брать свое. Держась за Гуйфэна, она блуждала по горам, пока они не вошли в безлюдную часть Шэньнунцзя, где не было никакой мобильной связи.

Согласно легендам, в безлюдной части Шэньнунцзя обитают дикие люди. Они живут здесь уже много лет, не имея никакого контакта с внешним миром. Хотя они и напоминают людей внешне, их можно считать отдельным видом приматов.

Мэн Сяони не знала, встретит ли она этих диких людей, но она точно знала одно: ей нужно найти место, где можно было бы немного вздремнуть и отдохнуть.

Они продолжали идти, и окружающий пейзаж постоянно менялся.

Внезапно Мэн Сяони остановилась, глядя на едва заметный ручеек перед собой.

Она огляделась, изучая окружающие деревья.

Деревья уходили в небеса, закрывая солнце своими густыми кронами, оставляя лишь крошечные полоски света. Одно за другим, эти деревья, возрастом около ста лет, стояли стройные и величественные.

Ужасно хотелось спать.

Мэн Сяони выбрала несколько лиан и между двумя ближайшими деревьями сплела импровизированную подвесную кровать-качели:

- Я хочу немного поспать. Когда проснусь, мы что-нибудь приготовим поесть и начнем строить дом.

Кровать-качели слегка покачивалась на ветру, а внизу журчал ручей.

Гуйфэн помог Мэн Сяони забраться на нее, из воздуха сотворил одеяло и повесил над кроватью тот же самый фонарь, что был у них ночью:

- Спи. Я займусь подготовкой, чтобы, когда ты проснешься, тебе не пришлось суетиться.

Мэн Сяони что-то пробормотала, укрываясь одеялом. Убедившись, что она в безопасности и не замерзнет, Гуйфэн развернулся и ушел.

Отсутствие сигнала не было проблемой — он уже успел изучить достаточно материалов о том, как строить дом. Теперь он точно мог вернуть себе достоинство.

Иначе...

Гуйфэн представил себе целый лесной дом, масштаб и дизайн которого превосходили бы даже дворец короля Яма в Подземном мире...

Дизайнер: Мэн Сяони.

Рабочий: Мэн Сяони.

Питомец: Гуйфэн.

С серьезным выражением лица Гуйфэн подумал: «Соберись, ты должен сохранить свою гордость!»

<http://tl.rulate.ru/book/54677/4811177>